

ПЕРСИВАЛЬ ЭЛГУД

ЕГИПЕТ ПОД ВЛАСТЬЮ ПТОЛЕМЕЕВ



ИНОЗЕМЦЫ,
СМЕНИВШИЕ
ДРЕВНИХ ФАРАОНОВ

325—30 ГГ. ДО Н. Э.



Персиваль Элгуд

**Египет под властью Птолемеев.
Иноземцы, сменившие древних
фараонов. 325–30 гг. до н.э.**

«Центрполиграф»

УДК 94(32)
ББК 63(0)31

Элгуд П.

Египет под властью Птолемеев. Иноземцы, сменившие древних фараонов. 325–30 гг. до н.э. / П. Элгуд — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5336-4

Египет – страна царей и богов – с незапамятных времен сохранял культурную самобытность, особый уклад и традиции престолонаследования. Покоренная Александром Великим, древняя земля фараонов оказалась под властью чужеземцев – в течение трех столетий Египтом правила могущественная династия Птолемеев. В этой книге вы найдете подробные портреты царей и цариц из македонского рода Лагидов – от Птолемея I Сотера, самого мудрого и гуманного правителя эллинистического мира, до Клеопатры VII, коварной и обольстительной, после гибели которой Египет стал одной из провинций Римской империи. Автор живо и ярко описывает характер и личные взаимоотношения потомков Птолемея I, одни из которых способствовали процветанию государства, а другие, погрязнув в пороках, приближали неминуемый крах монархии.

УДК 94(32)

ББК 63(0)31

ISBN 978-5-9524-5336-4

© Элгуд П.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Персиваль Элгуд
Египет под властью Птолемеев
Иноземцы, сменившие древних фараонов
325–30 гг. до н. э.



© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2018
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2018

* * *



Глава 1
Птолемей Сотер
Сатрап с 323 по 305 г. до н. э.
Царь с 305 по 285 г. до н. э.
Умер в 283 г. до н. э.

Царь Македонии Александр, прозванный Великим, в 334 г. до н. э. пересек Геллеспонт¹ и, ураганом пролетев через Малую Азию, Сирию и Финикию, через два года вступил в Египет. В тот момент он находился на перепутье. Он достиг цели, которую поставил перед собой в самом начале, и, если бы захотел, мог бы отправиться домой. Александр вернул свободу греческим городам Малой Азии, освободил Сирию и Египет от власти персов, основал Александрию, город, увековечивший его имя, и, находясь в Мемфисе, получил от верховного жреца Амона-Ра божественные почести, а затем, прибыв в оазис Сива, убедил верховного жреца Зевса-Амона подтвердить его божественное происхождение. Но этого ему было недостаточно. Его воображение рисовало картины огромной державы, занимающей территорию всего неведомого ранее Востока, и весной 331 г. до н. э. он покинул Египет, решив добраться до Индии. Через восемь лет в далеком Вавилоне он умер от лихорадки, и созданное им государство, простиравшееся от Геллеспонта до Инда, от Окса до Нила, распалось. Когда новость о смерти Александра достигла Афин, оратор Демад вопрошал: «Что же будет со всем миром?» Спор между его военачальниками о порядке престолонаследия только добавлял масла в огонь. Последнее слово в утверждении кандидатуры правителя принадлежало рядовым македонцам, и ни один из претендентов на престол не рискнул воспротивиться этой традиции.

Существовал и другой обычай: приближенные покойного царя предварительно определяли, насколько весомыми являются права на трон того или иного кандидата, и, выбрав наиболее подходящего из них, заручались поддержкой войска. Следуя этой традиции, Пердикка собрал соматофилаков, семерых военачальников Александра, чтобы определиться с выбором. Этим людям, относившимся друг к другу с ревностью и подозрением, было нелегко принять какое-либо решение. При жизни Александр не делал различий между соматофилаками – не наделял ни одного из них своим доверием, не прислушивался к их советам и не давал возможности проявить инициативу. Верность державе и мечте Александра о всеобщем братстве сошла на нет сразу после его смерти, и каждый из соматофилаков перед походом на совет раздумывал над тем, как использовать смерть правителя в своих интересах.

Но разработать четкие планы удалось только Пердикке и Птолемею. Первого не устраивало положение второго человека после Александра, и, едва тот испустил последний вздох, Пердикка стал мечтать о том, чтобы самому стать его наследником. Наиболее очевидным наследником являлся слабоумный сводный брат Александра Филипп Арридей, но персиянка Роксана, жена покойного царя, была беременна, и Пердикка предложил отложить выборы до тех пор, пока этот ребенок не родится и не выяснится его пол. Его замысел был прост. Он собирался убедить своих товарищей-соматофилаков избрать его на это время регентом, а затем использовать этот пост для того, чтобы обеспечить себя правом на престол, женившись на одной из представительниц македонской царской династии. Клеопатра, сестра Александра и вдова эпирского царя, собиралась выйти замуж во второй раз, и Пердикка стал рассматривать ее в качестве потенциальной невесты.

¹ Геллеспонт – древнее название пролива Дарданеллы. (При-меч. пер.)

Члены совета были ошарашены. Пердикка не пользовался большой популярностью, и сразу несколько бывших товарищей готовы были вступить с ним в конфликт. Так поступил Мелеагр. Он вскочил на ноги и стал кричать, что македонские мужчины никогда не ждали, чтобы соблюсти интересы женщин, и что солдаты желают видеть в качестве царя только Филиппа Арридея. Разгорелся жаркий спор. Одни военачальники были готовы ждать, другие заявляли, что необходимо принять решение. Споры продолжались до тех пор, пока Птолемей, человек весьма прямолинейный, пользовавшийся большим уважением, не вызвался помочь бывшим товарищам прийти к соглашению. Они с Пердиккой никогда не питали друг к другу большой любви.

Эти два военачальника вместе штурмовали Скалу Хориена, крепость, мешавшую продвижению Александра к Инду, и Пердикка упорно не желал признавать роль, которую сыграл во взятии этой твердыни Птолемей. При этом последний никогда и ни с кем не ссорился и, уже успев разработать собственный план, намеревался сохранить дружеские отношения с Пердиккой, получившим от умирающего Александра перстень с печатью. По его мнению, членам совета следовало отложить принятие решения до тех пор, пока Роксана не родит. Затем, по его мнению, нужно было поступить так: если на свет появится девочка, то на трон должен будет взойти Филипп Арридей, а если родится мальчик, то наследство Александра будет разделено между ними.

Это был весьма разумный компромисс: отцами обоих наследников являлись цари, а выбирать, какая из их матерей достойнее, не было смысла, так как Филиппа произвела на свет танцовщица из Фессалии, а Роксана была персиянкой, и ее варварское происхождение очень смущало военачальников. Пока же наследника (или наследников) следовало охранять, а территорию державы – разделить между соматофилаками, которые должны будут управлять своими «наделами» и действовать сообща во имя царя царей. Себе Птолемей попросил Египет, далекую и малопривлекательную территорию, мотивировав это тем, что считает себя недостойным нести большую ответственность.

Предложение Птолемея было одобрено всеми членами совета. Каждый из военачальников руководствовался теми же стремлениями, что и Пердикка: все они хотели оказаться как можно дальше от Македонии или получить сатрапию, достаточно большую для того, чтобы в будущем сделать ее независимой. Мелеагр отказался от критики, а Пердикка уверил всех членов совета в своей честности. В итоге последнего избрали главнокомандующим и защитником наследника (или наследников) престола. В благодарность за помощь в разрешении конфликта военачальники постановили отдать Египет Птолею. Надо сказать, что этот подарок обошелся им довольно дешево, ибо никто, кроме скромного Птолемея, не жаждал управлять территорией, расположенной настолько далеко от центра державы.

Затем соматофилаки приступили к гораздо более приятному занятию – разделу державы Александра, и надо сказать, что это удалось им без каких-либо конфликтов. Антипатр получил Македонию, Лисимах – Фракию, Антигон – большую часть Малой Азии, Мелеагр – Финикию, Лаомедон – Сирию, а Селевк – Вавилон.

Не успели бывшие телохранители Александра разделить отдаленные азиатские земли, как в македонском лагере раздался шум, из-за которого им пришлось прерваться. Новость о принятом военачальниками решении просочилась наружу. В итоге солдаты, служившие в коннице, и пехотинцы уже готовы были перерезать друг другу глотки. Когда встал вопрос о престолонаследии, противоречия между этими двумя видами войск, не питавшими друг к другу большой сердечной привязанности после недавнего бунта в Описе, накалились до предела. Воины, входившие в состав фаланги, поклялись, что не будут служить царю, в венах которого течет хотя бы капля персидской крови, а всадники заявляли, что сыну Александра следует дать шанс. Мелеагр вызвался вразумить пехотинцев, и остальные члены совета согласились. Военачальникам следовало выбрать более сговорчивого посредника, так как, оказавшись в лагере,

Мелеагр заявил, что поддерживает Филиппа Арридея, и, возглавив фалангу, стал готовиться к нападению. Конница приняла вызов, и на протяжении какого-то времени всем казалось, что стычка неизбежна.

Но затем ситуация стабилизировалась. Пердикка уверил, что достигнутая военачальниками договоренность – всего лишь временная мера, после чего пехотинцы и всадники разошлись по своим частям лагеря. Кризис миновал, но, получив этот урок, новоиспеченные сатрапы стали спешно готовиться к отъезду из Вавилона. Однако ни один из них не собирался покидать город до тех пор, пока Роксана не разрешится от бремени или пока не удастся вытрясти из Пердикки, человека довольно жадного, сумму, необходимую для путешествия в новую сатрапию.

Надо сказать, что в царской сокровищнице было достаточно богатств для того, чтобы покрыть эти расходы. Шестьдесят талантов, хранившихся в войсковой казне Александра, когда он пересекал Геллеспонт, на протяжении всего похода превратились почти в четверть миллиона, но Пердикка ожесточенно торговался и спорил с сатрапами по поводу того, сколько денег он готов им дать и сколько они согласны получить.

Птолемей воспользовался этой задержкой и завладел статуями египетских богов, вывезенными Камбизом и правившими после него персидскими царями из Мемфиса. Пердикка заметил это. Он понимал, какое значение имеют подобные действия Птолемея, но ничего не сказал ни на этот раз, ни тогда, когда будущий правитель Египта решил похоронить Александра в Сиве. Диодолам нужно было выбрать между двумя местами – расположенным в этом оазисе святилищем Зевса-Амона или Эгами, древней столицей Македонии, где по традиции находили свое последнее пристанище члены царской семьи. Довод Птолемея о том, что при жизни Александр часто называл Амона своим отцом, а значит, после смерти сын должен покоиться в храме родителя, показался его товарищам вполне обоснованным. И только один Пердикка продолжал сомневаться. Он не доверял Птолемею, но очень боялся Антипатра, получившего во владение Македонию, и полагал, что в сложившихся обстоятельствах первый из этих двух людей олицетворяет собой меньшее зло. Через некоторое время Роксана родила мальчика, которого назвали Александром, и теперь уже ничто не мешало Птолемею отправиться в Египет.

Тогда ему было около сорока лет. Он находился в самом расцвете сил, был зрелым и уверенным в себе человеком. Годы войны и богатый жизненный опыт закалили его. Широкий лоб Птолемея свидетельствовал о недюжинном уме, резко очерченные скулы и тяжелый подбородок – о сильном характере, а подвижный рот говорил о способности к сопереживанию и пониманию. На монетах того периода (если, конечно, считать их достоверным историческим источником) он изображен с суровым, но в то же время умиротворенным выражением лица. Профиль Птолемея кажется слишком угловатым для того, чтобы его можно было считать красивым. Но так или иначе мы, взглянув на эти изображения, понимаем, что перед нами знатный человек, не чуждый культуре. Птолемей был сыном Лага, ничем не прославившегося землевладельца, и Арсинои, дальней родственницы македонских царей. Свадьба родителей будущего правителя Египта вызвала всеобщее удивление, и, объясняя этот мезальянс, зловерные придворные стали болтать, что Арсиноя могла бы найти более выгодную партию, но не сумела сделать этого из-за подозрений в своей добродетельности. Ходили слухи о том, что эта девушка была одной из многочисленных любовниц Филиппа, и Лаг любезно согласился назваться отцом ее старшего сына. Македонский царь и правда принимал деятельное участие в продвижении Птолемея по службе. Сначала он сделал мальчика одним из «пажей» при своем дворце и так хорошо относился к нему, что позволил дружить с Александром. Мальчики прекрасно ладили, и, когда последний, разозлившись из-за повторного брака отца, тайно покинул двор, верный Птолемей последовал за ним.

Птолемей обзавелся собственной репутацией во время военных походов, предпринятых Александром после восшествия на престол. Он присутствовал при разрушении Фив, руково-

дил конным отрядом в битве при Гранике, командовал одним из подразделений армии при взятии Скалы Хориена, отвечал за арьергард, когда македонское войско двигалось вниз по Инду.

Благодаря этим деяниям он начал продвигаться по службе: сначала стал одним из телохранителей царя (соматофилаком), а затем – конюшим, получив таким образом два самых высоких чина из всех, которые способен был даровать Александр. Но смелость была не единственным достоинством Птолемея. Он также был безупречно честным, презирал всевозможные интриги и ненавидел обман. Короче говоря, будущий правитель Египта совсем не походил на типичного македонянина.

То, что Птолемею повезло оказаться в Египте, имело положительные последствия, ибо терпение жителей этой страны уже готово было лопнуть. Надежды на благосклонного и честного царя, который возьмет власть в свои руки после изгнания персов, рухнули, как и вера в то, что вот-вот наступит золотой век. Едва Александр покинул страну, как чиновники снова стали угнетать и оскорблять население. В этом во многом был виноват сам царь, оставивший египтянам административный аппарат, в теории казавшийся превосходным, но на практике сделавшийся совершенно отвратительным. Полномочия были разделены. Правосудием заведовали представители местной знати, а обороной – два македонских военачальника. Доходы и расходы подсчитывались в древнегреческом городе Навкратисе, колонии, основанной на берегу Канопского рукава Нила представителем XXVI династии Амасисом.

Там Александр познакомился с Клеоменом, пользовавшимся репутацией прекрасного «финансиста» и пообещавшим царю вовремя и в полном объеме собирать и пересылать египетскую дань. Но на самом деле он лгал. Будучи человеком совсем не чуждым коррупции, Клеомен обманывал и без разбора грабил как египтян, так и македонян. Его жажда наживы была неутолимой. Он обложил крестьян огромными податями, не обращая ни малейшего внимания на протесты знати, растратил жалованье солдат, невзирая на возмущение их командиров. Еще больше осмелев, Клеомен начал искать другие источники пополнения своего кошелька. Одним из них стали храмовые сокровищницы, а другим – монополия на все сельскохозяйственные товары. Как только Птолемей ступил на землю Египта, к нему потянулись многочисленные жалобщики на эти и другие действия «министра финансов», и он решил покончить с Клеоменом. Желание расправиться с этим человеком в Птолемея подогревало и то, что Пердикка самоуверенно назначил Клеомена его правой рукой. Таким образом, казнь зарвавшегося грека должна была способствовать выполнению сразу двух задач: с одной стороны, показать египтянам готовность Птолемея очистить административный аппарат, а с другой – напомнить Пердикке, что египетский сатрап имеет право самостоятельно командовать в собственном доме.

Оценив положение в стране, Птолемей остался крайне недоволен. Казалось, будто Египет находится на грани катастрофы. Крестьяне обнищали, торговля и ремесло находились в упадке. Словом, социальная сфера и экономика страны готовы были рухнуть. Было件нятно, что корень всех бед следует искать в излишней приверженности традициям. В Египте все замерло и ничего не менялось. Однако традиции и порядок, сложившиеся в стране при фараонах и прекрасно работавшие в те времена, теперь теряли свою актуальность. Разделение общества на правителя и жрецов, солдат и крестьян устарело. Не менее бесполезным было и подразделение населения страны на пастухов, земледельцев и ремесленников. Считалось, что доходы храмов должны быть меньше, а те, что получал царь, – больше.

Упадок не обошел и религию – египтяне поклонялись в основном местным божествам, а культы общегосударственных богов были почти полностью забыты. Жрецами каждого нома двигали эгоистические и вполне материальные соображения, а в многочисленных храмах поклонялись в основном зооморфным богам. Ради усиления влияния храмов и их служителей прежняя египетская администрация пожертвовала даже армией, которая перестала выполнять функцию военной машины и была уже почти неспособна поддерживать порядок внутри страны. Армейские подразделения не были толком вооружены, и их боевой подготовкой никто

не занимался. Рядовые солдаты широко использовались для обработки царских и храмовых земель.

Прочная в древности связь между правителем и его подданными также ослабла. Вера в божественное происхождение царской власти, на которое претендовали первые и которое признавалось вторыми, таяла. Это крайне озадачило Птолемея. Ведь он был сатрапом, а не царем, сыном добропорядочного македонянина, а не отпрыском Зевса-Амона, о праве на принадлежность к числу потомков которого заявлял Александр. Сам Птолемей просто не осмелился заявить о своем божественном происхождении. Его власть над Египтом была довольно шаткой, ведь Пердикка относился к нему не очень дружелюбно, да и Антипатр, Антигон и другие диадохи при случае могли поступить с ним не особенно милосердно. Поэтому Птолемею было очень нужно, чтобы египтяне остались довольны его правлением и одарили его своей преданностью, и он придумал, как достичь этой цели.

По всей территории Азии были разбросаны колонии, созданные Александром, каждая из которых представляла собой уменьшенную модель древнегреческого города-государства. Но эта политика оказалась не очень удачной, так как со временем в подобных поселениях зарождались волнения и мятежи, а Птолемей предпочитал сильную верховную власть, способную ради общего блага диктовать свою волю чиновникам, жрецам, крестьянам и иноземцам, и полагал, что она должна находиться в его руках.

Новый сатрап считал, что Египет должен стать его единоличным владением, но в то же время понимал, что обязан править, не угнетая местное население и не допуская несправедливости. С другой стороны, как ради соблюдения собственных интересов, так и в целях развития страны, Птолемею были необходимы иноземная столица и приток иностранных «мозгов». Первая требовалась для того, чтобы осваивать ресурсы страны, а вторые должны были стать опорой для административного аппарата, который он планировал создать. Птолемей решил, что не вызовет недовольство у местного населения, если позаимствует и столицу, и «мозги» у греков.

К эллинам, приезжавшим в долину Нила в качестве наемников по просьбе фараонов, плативших им, чтобы защититься от вторжения или восстания, и остававшимся там на положении колонистов, в египетской сельской местности уже давно привыкли. Египтяне были гостеприимными, а поселенцы – дружелюбными, и Амасис, весьма дальновидный представитель XXVI династии, стал приглашать в Египет не только греческих наемников, но и торговцев. Для этого он основал Навкратис и даровал его жителям право на самоуправление. За греками последовали и другие переселенцы – ионийцы, критяне и евреи, создававшие собственные политевмы², или поселения с самоуправлением, и женившиеся на египтянках, надеясь таким образом облегчить душевную боль, связанную с жизнью на чужбине. Но их потомки, лишенные необходимого образа мыслей и не имеющие столицы, не подходили Птолемею, и он в поисках нужных ему людей обратил свой взор на Грецию.

Наиболее короткий и прямой наземный маршрут из Вавилона в Александрию пролегал через Мемфис, где Птолемей провел какое-то время, чтобы привыкнуть к египетскому образу жизни. Его прибытие в город совпало со смертью быка Аписа, и Птолемей, с уважением относившийся лишь к немногим антропоморфным богам и не признававший ни одно зооморфное божество, был предельно удивлен, заметив, насколько большой и искренний интерес египтяне проявляют к этому событию. После смерти бык становился Осирисом-Аписом, отождествлялся с Осирисом, повелителем загробного мира и судьей душ умерших. Пока проводилась мумификация, все египтяне оплакивали покойного быка. Затем все жители Мемфиса отправились на похороны последнего Осириса-Аписа, проходившие в подземельях Серапеума.

² Здесь имеется в виду этническое объединение лиц, находящихся за пределами родины и пользующихся административной и религиозной автономией. (*Примеч. пер.*)

Этот обряд производил сильное впечатление. До края пустыни тело умершего быка сопровождал жрец, изображавший писца священных книг бога Тота, а затем рядом с ним следовал другой священнослужитель, лицо которого скрывалось под маской шакалового бога Анубиса. Не лишенный любопытства Птолемей попросил, чтобы ему объяснили, что происходит, и вместо ответа на этот вопрос жрец прочитал вслух надпись, вырезанную по приказу Псамметиха I у входа в Серапеум: «Послание было принесено Его Величеству. Дом отца твоего Осириса не в самом хорошем состоянии. Взгляни на священные тела [Аписов], в каком ужасном состоянии они лежат». Псамметих был тронут и очень переживал из-за этого бедствия, и «сановнику царя было приказано обложить всех податью на восстановление». Псамметих расширил Серапеум, соорудив новую галерею. Вклад Птолемея оказался более скромным – он пожертвовал на похороны быка пятнадцать серебряных талантов и вернул жителям Мемфиса статуи египетских богов, вывезенные им из Вавилона.

Это был очень щедрый подарок, и жители Мемфиса были бы рады, если бы великодушный иноземец остался в городе еще ненадолго. Но Птолемею было некогда – еще Александр хотел перенести столицу страны из Мемфиса в Александрию, и новый сатрап Египта собирался претворить этот план в реальность. В итоге он сел на корабль и отправился вниз по течению Нила, в сторону моря. Увидев, чего удалось достичь на этом поприще, македонянин был приятно удивлен. На полоске земли, отделявшей озеро Мареотис от моря, рос внушительный город. Его окрестности притягивали взор: на севере простиралось небесно-голубое море, а на юге – пустыня цвета шафрана. Планируя новый город, Александр не скупился на материалы и не экономил пространство. Клеомен выделил на строительство Александрии достаточно денег и рабочих рук. Архитектор Дейнократ и его помощник Сострат Книдский сделали все возможное.

Уже заканчивалось сооружение гептастадия, плотины, которая должна была соединить остров Фарос с материком, и даже самые большие грузовые суда теперь могли вставать на якорь по обе стороны от нее. Александрию делили на части две широкие улицы, одна из которых шла с юга на север, а вторая – с востока на запад, причем каждая из них, окаймленная колоннадами, создававшими тень, заканчивалась прекрасными воротами. Эти главные артерии через равные промежутки прорезали обсаженные деревьями аллеи. Александр представлял себе полиэтнический город, населенный македонянами, греками, евреями и египтянами, а Дейнократ выделил представителям двух последних народов отдельные кварталы. Македоняне и греки могли жить там, где захотят, но евреям следовало держаться собственного квартала, располагавшегося в центре города, а египтянам – обитать в своем, находившемся на побережье озера Мареотис.

Царский дворец архитектор собирался возвести на мысе Лохиада. По всему городу были разбросаны участки, на которых планировались постройка ипподрома, амфитеатра и гимнасия, организация акрополя, а на пересечении двух главных городских артерий – Месопедиона, или Канопской дороги, и Аргея – располагалась площадка, предназначенная для строительства Семы – гробницы Александра Великого. Главным достижением Дейнократа, свидетельствующим о его изобретательности и мастерстве, стало сооружение канала, необходимого для снабжения города пригодной для питья водой. Прежде жители египетской деревни Ракотис брали воду из озера Мареотис, на берегу которого она стояла. Но это был не очень надежный источник, так как озеро пополнялось из Нила, уровень воды в котором был непостоянным и зависел (как и в случае с самим Мареотис) от времени года. Кроме того, вкус у этой воды был неприятным, а иногда она оказывалась солоноватой. Размышляя о том, где найти надежный источник с более чистой водой, Дейнократ обратил свой взор на Нил. Величественный канал начинался в районе Шедиа, проходил по южной окраине Александрии (оттуда по сети водопроводов вода из него распространялась по всему городу), а затем вливался в море в районе западной гавани порта Эвност. Он был достаточно глубоким и широким для того, чтобы из

Шедиа и обратно по нему могли плавать лодки, а довольно сильное течение позволяло предотвратить застаивание воды.

Однако всего этого было недостаточно выдающемуся архитектору. Он хотел, чтобы жители построенного им города не только занимались делами, но и могли получить удовольствие от жизни. Дейнократ не довольствовался выделением участков под сооружение общественных зданий, ипподромов, гимнасиев, разбивку садов и т. д. Он решил сделать доступными достопримечательности, располагавшиеся за пределами города. Почти в 20 километрах от Александрии, в устье Нила, располагался город Каноп. Египтяне поклонялись там Исиде, а греки связывали его с именем Менелая. Именно там, по мнению эллинов, последний, возвращаясь из Трои, смог восстановиться и отдохнуть, а его кормчий Каноп умер от укуса змеи. Менелай назвал это место в честь покойного товарища, и каждый благочестивый грек, попав в Египет, очень трепетно относился к данной легенде. Прекрасно помнивший о ней Дейнократ продлил свой канал на восток так, чтобы он втекал в море в районе Канопы. Таким образом он почтил память Менелая, царя Лакедемона и супруга Елены.

Следивший за работой Дейнократа и воодушевлявший его Птолемей решил в свободное время заняться границами своей сатрапии, территория которой показалась ему до смешного маленькой. Ливийская и Синайская пустыни плохо защищали Египет от вторжений извне, а для того, чтобы сделать Александрию процветающим городом, были необходимы новые рынки сбыта. Кроме того, на территории страны отсутствовали определенные ресурсы, крайне необходимые для ее дальнейшего развития, такие как, например, металл и древесина. Единственным решением этой проблемы было расширение египетской сферы влияния, и Птолемей сосредоточил свое внимание на Киренаике, Келесирии³ и Кипре.

Территория Египта простиралась далеко на юг, но была довольно узкой. Представители XX династии вторглись в Судан и заняли Донголу. Но их менее склонные к приключениям преемники считали, что южная граница их владений проходит по первому порогу Нила, и это решение было довольно обоснованным. С географической точки зрения Судан представляет собой довольно унылую пустыню, а пустынь более чем достаточно и в самом Египте. Но на востоке и западе ситуация обстояла совершенно иначе, а Киренаика и Келесирия будто специально ждали, когда их территории кто-либо займет. В первой располагались богатые греческие города, которые можно было заставить покупать избыточные продукты, произведенные в Египте, а вторая могла поставлять в долину Нила столь необходимую древесину, в избытке росшую в ее лесах. Птолемей полагал, что Кирена, столица Пентаполя⁴, станет легкой добычей, — этот город-государство постоянно страдал от внутренних конфликтов. Осуществить план по захвату Келесирии и Финикии было сложнее: их жители были менее уступчивы, а сатрап Сирии Лаомедон не стал бы отказываться от части своих владений без борьбы. Овладеть Кипром Птолемей также не мог до тех пор, пока в его распоряжении не окажется флот, достаточно надежный для того, чтобы проплыть по Эгейскому морю.

На протяжении какого-то непродолжительного времени Птолемей даже хотел отложить нападение на Киренаику, понимая, что не обладает силами, достаточными для того, чтобы вступить в сражение. В его распоряжении находились всего лишь одна или две тысячи македонских пехотинцев и небольшой конный отряд, старые и опытные солдаты, еще в Вавилоне решившие последовать за ним, а также маловразумительные остатки оккупационной армии, оставленной Александром в Египте, чтобы защищать страну и обеспечивать порядок на ее территории. Поспешно собранное во время похода, данное войско называлось греческим и могло похвастаться эллинским духом, но больше от этого народа в нем ничего не было. Половина

³ Келесирия — плодородная равнина, простирающаяся между двумя хребтами гор в Ливане. На западе она граничит с Финикией, а на юге — с Палестиной. (*Примеч. пер.*)

⁴ Пентаполь — объединение из пяти городов, созданное по территориальному или институциональному признаку исходя из их торговых, политических или военных интересов. (*Примеч. пер.*)

из входивших в него солдат на протяжении многих лет предавалась безделью в приграничных крепостях, а остальные были расквартированы в Мемфисе, чтобы выполнять приказы Клеопмена. Подобных сил было явно недостаточно для ведения боевых действий, и Птолемей стал размышлять о том, как можно исправить ситуацию.

Он вспомнил о Греции, где никогда не было недостатка в сильных мужчинах, готовых служить наемниками, и объявил, что щедро заплатит всем, кто согласится приехать в Египет и служить ему. Правда, Птолемей вполне мог и покуситься на вознаграждение, так как в то время «рынок» наемников, искавших нового хозяина, был переполнен. Гораздо более важной задачей было снабжение, ведь Александр и Дарий погибли, и солдаты тщетно искали новых «работодателей». Кроме того, наемников выталкивали с «рынка» рекруты, которые не могли похвастаться хорошей военной подготовкой, но просили за свои услуги гораздо меньше. Из-за тяжелых экономических условий крестьяне покидали свои земельные наделы. Неспособные производить зерно, достаточно дешевое для того, чтобы конкурировать с импортным, эти люди готовы были взяться за любую работу, способную хоть как-то обеспечить их существование.

Следует сказать и о греческих менялах, ростовщиках и купцах, также искавших новые сферы деятельности. Нескончаемые конфликты между олигархическими и демократическими государствами, а также зависть, которую успехи жителей одних полисов разжигали в сердцах обитателей других, негативно сказывались на доходах этих людей, что заставило их заняться поисками более безопасных и прибыльных способов применения своих талантов. Когда в Египте стал править новый сатрап, они решили, что вполне могут связать с этой страной свои планы на будущее, а Птолемей дал понять, что с радостью примет не только наемников, но и людей, обладающих предпринимательской жилкой.

Египетское войско так быстро пополнилось новыми профессиональными наемниками, что осенью 322 г. до н. э. Птолемей пересмотрел свое решение о походе в Киренаику, а стечение обстоятельств заставило его поторопиться с реализацией своих планов. Дело в том, что незадолго до этого в Кирене произошло восстание, а противники победившей партии бежали в Александрию. История Кирены вообще была полна превратностей. Основанный в VII в. до н. э., этот город успел побывать независимым государством во главе с царем, республикой и городом-государством. При этом каждый раз перемены не приводили ни к чему хорошему, а за ними следовали репрессии и изгнание из города неугодных новой власти жителей. В конце концов власть в свои руки взял простой люд, и представители знати в отчаянии обратились к Птолемею, умоляя его о помощи. Он не преминул воспользоваться этой возможностью, пересек во главе своего войска Ливийскую пустыню, покончил с Фиброном, предводителем победивших горожан, и стал считать Кирену своей военной добычей.

С жителями захваченного города Птолемей обошелся довольно снисходительно – он простил повстанцев, восстановил порядок, существовавший в городе до мятежа, и оставил себе только право назначать военного наместника, держать в крепости, расположенной на территории Кирены, армейский гарнизон и предлагать кандидатов в городской совет. Затем, обрадованный успехом, Птолемей вернулся в Египет.

О поступке египетского сатрапа вскоре узнал Пердикка, находившийся тогда в Малой Азии. Для завистливого регента предпринятый Птолемеем поход был слишком смелым и блистательным. К тому же египетский сатрап не обратился к нему за разрешением на эту кампанию, и Пердикка решил проучить его. Но в то же время он понимал, что ему придется отложить вопрос о наказании Птолемея на будущее, так как тогда регент мог думать только о престолонаследии. Он считал, что трон должен принадлежать ему, и одной из причин, заставивших его покинуть Вавилон, была необходимость встретиться с сестрой Александра Македонского Клеопатрой.

План Пердикки удался – Клеопатра согласилась выйти за него замуж, а ее мать Олимпиада поддержала выбор дочери. В итоге потенциальные новобрачные встретились в Сардах.

Этот брак был нужен всем троим. Олимпиада надеялась, что Пердикка поможет ей справиться с давним врагом Антипатром, сатрапом Македонии, регент хотел воспользоваться влиянием Клеопатры на армию, а сама она жаждала заполучить нового мужа и опять стать царицей. Однако брак не состоялся: Антипатр предугадал намерения Олимпиады и предложил Пердикке жениться на его дочери Никее. Регент оказался в замешательстве. Он понимал, что, женившись на Никее, лишит себя гарантированного права занять престол, но, выбрав Клеопатру, станет смертельным врагом Антипатра. На одной чаше весов лежал шкурный интерес, а на другой – благоразумие, и Пердикка стал тянуть время. Затем, наконец, он женился на Никее, но в то же время дал Клеопатре понять, что сразу после смерти Антипатра разведется с женой. Однако для надменной женщины этого оказалось недостаточно. Оскорбленная решением Пердикки, она заявила, что хочет вернуться домой. Но она слишком рано объявила о своих намерениях, из-за чего все дороги в Македонию и Эпир были спешно перекрыты, и сестра Александра из невесты превратилась в пленницу. Пердикка не страдал от избытка моральных принципов и решил, что раз сам не может жениться на Клеопатре, то ему следует сделать все возможное для того, чтобы этого не сделал ни один другой македонянин.

Брак с Никеей не облегчил положения Пердикки. Олимпиада стала считать его трусом, не способным помочь ей в достижении ее целей, а хитроумный Антипатр сомневался в его честности. Другие также не были уверены в Пердикке: все сатрапы и военачальники, жившие к востоку и западу от Евфрата, спрашивали себя о том, сохранил ли он верность наследникам Александра.

Первым голову поднял фригийский сатрап Антигон. Пердикка, все еще остававшийся регентом, приказал ему помочь наместнику Каппадокии Эвмену, но тот наотрез отказался. Получив вызов в Сарды, куда он должен был прибыть, чтобы ответить за свое неповиновение, сатрап Фригии пересек Геллеспонт и стал уговаривать Антипатра напасть на врага прежде, чем тот сам атакует их. Антигона поддержали и другие диадохи, в том числе Птолемей.

В это время Пердикка, жизнь которого висела на волоске, строил планы. В теории его рассуждения звучали довольно здраво: уничтожив одного из союзников, регент собирался таким образом устроить всех остальных и заставить их отказаться от объединения. На роль жертвы он назначил Птолемея. Эвмен должен был перекрыть Геллеспонт, а флотоводец Клит – патрулировать прибрежные воды. Сам же Пердикка в это время собирался вторгнуться в Египет. Перед началом похода он втайне приказал командиру солдат, сопровождавших катафалк Александра, который вот-вот должен был покинуть Вавилон, направить его не в Египет, как решили диадохи во время военного совета, а в Македонию. Офицер не осмелился не повиноваться приказу, но придумал, как сообщить о плане Пердикки Птолемею, и тот встретил катафалк неподалеку от Дамаска. Вскоре конфликт удалось разрешить. Аргументы Птолемея оказались весьма убедительными – у Пердикки не было полномочий на изменение решения, принятого в Вавилоне, а значит, тело Александра должно было отправиться в Сиву.

В результате катафалк направился в Мемфис. Его прибытие в этот город произвело на местных жителей огромное впечатление. Ни один египтянин не мог поверить, что на свете живет человек, способный создать столь потрясающий катафалк. На огромной колеснице был установлен золотой саркофаг с чеканкой, едва заметный из-под скрывавшей его пурпурной ткани, а над ним возвышался прекрасный балдахин. Катафалк тянули четыре парных упряжки по 16 мулов в каждой, причем на шее каждого животного висели гирлянды из драгоценных камней. На ткани лежали меч и копье, принадлежавшие Александру при жизни, а с ее углов свисали многочисленные золотые колокольчики, мелодично звонившие во время движения катафалка. Для того чтобы усилить впечатление и напомнить всем окружающим о победах, одержанных покойным царем в битвах при Гранике, Иссе и Гавгамелах, сбоку к катафалку были прикреплены изображения сцен из этих сражений. За саркофагом стоял высокий золотой

трон, и на ступеньках лесенки, которая вела к нему, были изображены другие достижения Александра.

Когда катафалк въехал в ворота Мемфиса, местные жители вспомнили о прекрасных манерах македонского царя и его гостеприимстве, о том, с каким уважением он отнесся к египетским богам и традициям. Слухи о перехвате каравана в районе Дамаска просочились в народ, и зрители аплодировали при виде катафалка. «Разве Египет не более подходящее, чем Македония, последнее пристанище для тела Александра? – спрашивали люди. – Разве сам покойный герой не хотел быть похороненным в святилище своего отца в Сиве?» Жители Египта прославляли преданного военачальника, исполнившего волю своего царя, и проклинали вероломного регента, пытавшегося помешать этому. Мемфисцы перешептывались и обсуждали, где лучше похоронить Александра – в Сиве или в их родном городе. Оазис находился далеко, и паломничество туда было долгим и трудным, а Птах, по мнению жителей Мемфиса, был божеством более могущественным, чем Амон, и они надеялись, что Птолемей навсегда оставит тело Александра в древней столице Египта. Сомневался только верховный жрец Птаха, беспокоившийся за сохранение верховенства этого бога. «Похороните Александра не здесь, – вскричал он, – а в городе, который он основал в Ракотисе. Там, где упокоится его тело, будут распри и разногласия». Птолемей готов был прислушаться к этому совету, соответствовавшему его собственным планам.

На протяжении какого-то времени сатрап Египта не принимал окончательное решение. Пердикка двигался на юг и, миновав Газу, подошел к Синайскому полуострову, а Птолемей готовился встретить его у Пелусия. Он усилил гарнизон, возвел цепь опорных пунктов, укрепил знаменитую крепость Верблюжья Спина и стал ждать Пердикку. Тот, осадив Пелусий, потребовал, чтобы Птолемей сдался и предстал перед судом за предательство. Ответ давать ему никто не собирался. Сразу добраться до противника Пердикке мешал Нил, благодаря чему Птолемей отнесся к его посланию крайне неуважительно, и македонский регент понял, что впустую теряет время. Сложившаяся ситуация также выглядела малообещающей. Пердикка не сумел произвести должное впечатление на защитников Пелусия. Из-за нехватки припасов он был вынужден тайно свернуть лагерь и направиться вверх по течению Нила, надеясь таким образом обмануть Птолемея. Но тот оказался крайне проницательным и также вывел свои силы из крепости.

Оказавшись на противоположном от Мемфиса берегу реки, Пердикка увидел, что Птолемей опередил его. Для того чтобы захватить город, войску регента пришлось бы форсировать Нил, а затем столкнуться с сопротивлением македонских ветеранов, пользовавшихся полной поддержкой местного населения. Неравенство сил было очевидным. Река была глубокой, с сильным течением, а в ее дне встречались настолько глубокие ямы, что даже слоны теряли точку опоры. Пердикке поставили шах, и он, растеряв остатки своей решимости, приказал войску отступать. Битва была проиграна, и два офицера, разъяренные трусостью предводителя, проникли в его палатку и задушили его, когда он поднялся, чтобы поздороваться с ними.

Между тем Антипатр спешил в Эфес, чтобы лишить Пердикку путей снабжения, а Антигон выступил в поход против Эвмена. Услышав о смерти Пердикки, противники остановили битву, и диадохи отправились в располагавшийся на Оронте Трипарадейс, чтобы там встретить остатки войска регента, сопровождавшие двух наследников престола. Там же осенью 321 г. до н. э. они перераспределили сатрапии. Регентом и защитником наследников был избран Антипатр, Антигон получил пост военачальника, а права Селевка и Птолемея на их владения были подтверждены. Теперь последнего было практически невозможно потеснить. Ему, владыке Египта, побережья Красного моря, Ливии и Киренаики, оставалось только подчинить Финикию и Келесирию, чтобы находившаяся под его властью территория по площади сравнялась с той, которой правил сам регент.

Птолемей не поехал в Трипарадейс. Он не хотел ни оправдываться за захват Киренаики, ни раскрывать свои планы по овладению Келесирией. Конечно, он вполне мог бы напомнить македонянину, осмелившемуся спросить его о том, по какому праву он владеет одной и претендует на другую, о судьбе Пердикки. Египетского сатрапа совершенно не интересовали наследники Александра и то, кто и как будет их охранять, да и вопрос престолонаследия в целом. Если бы он хотел основать собственную династию, то пошел бы более коротким путем и женился бы на девушке, ведущей свою родословную от фараонов.

Однако помощь и поддержка Птолемея были нужны Антипатру, и для того, чтобы заполучить их, он предложил правителю Египта руку своей дочери Эвридики. Этот союз был очень перспективным, а само предложение – одним из лучших комплиментов, которые когда-либо получал Птолемей, но он все же колебался. Он был весьма доволен своей совместной жизнью со все еще привлекательной Таис, коринфянкой, которая за двенадцать лет до этого пересекла вслед за ним Геллеспонт. Она родила ему детей, которых он не собирался лишать наследства. Вместе с тем Птолемей не хотел, чтобы Антипатр, друживший с могущественным Антигоном, становился его врагом. В итоге он с тяжелым сердцем отправил любовницу обратно в Грецию и женился на Эвридике. Удовлетворенный Антипатр покинул Трипарадейс, увозя с собой двух наследников Александра, вследствие чего Македония снова стала центром державы.

Встреча в Трипарадейсе принесла Птолемею одни разочарования. Он взял на себя основной удар Пердикки, но в качестве вознаграждения получил только подтверждение своего права на Киренаику, в котором не нуждался, и совершенно не нужную ему жену. Охваченный печалью, он снова вернулся к планам по захвату Келесирии и Кипра. Теперь заполучить обе эти территории было гораздо проще. Птолемей сумел нарастить армию и флот и понимал, что его соседи не станут вмешиваться, когда он выступит в поход. У Антипатра были дела в Греции, Антигон был занят поиском Эвмена, а Селевк занимался управлением своей обширной сатрапией, располагавшейся к востоку от реки Евфрат. Поэтому Птолемей написал письмо Лаомедону, правившему в Келесирии от имени юного царя, и предложил ему отказаться от наместничества за деньги. Но подкупить Лаомедона не удалось, и разъяренный его совестью Птолемей отправил один отряд наемников на захват Келесирии, а второй – в Финикию. Во время похода не пролилась ни одна капля крови – Лаомедон в спешке бежал, а Птолемей получил возможность переключиться на следующую цель.

Кипр, славившийся обилием добывавшихся там металлов и удобных бухт, прорезавших его береговую линию, стоил того, чтобы ради него сражаться. О власти над бассейном Эгейского моря мечтал каждый правитель Египта, Ассирии, Финикии и Персидской державы. Ведь доминирование в регионе, граничащем с восточным побережьем Средиземного моря, во многом зависело от превосходства на море. Именно поэтому Александр, проходя через Финикию, задержался, чтобы вытеснить персов с Кипра. Для него этот остров был «ключом к Египту», а для Птолемея – «ключом к Сирии». После освобождения от персидского владычества на Кипре сформировался ряд мелких государств, и девять их правителей заявили о своей вечной преданности делу Александра. Не забыв об этом своем обязательстве, они осудили действия Пердикки и отказались снабжать его флот. В награду за это их пригласили в Трипарадейс, где Антипатр торжественно заявил об их независимости, и слишком осторожный Птолемей не хотел нарушать это обещание.

После смерти престарелого Антипатра в державе снова начались волнения, и оставшиеся в живых диадохи забыли о договоренностях, достигнутых в Трипарадейсе. Сбывались слова Демада, говорившего, что «Македония была похожа на ослепленного циклопа». Сын Антипатра Кассандр боролся против Полиперхона, советника своего отца, которому тот очень доверял. В Азии Антигон продолжал преследовать Эвмена, а на фракийское побережье Черного моря совершал набеги Лисимах. Ситуация в Европе, казалось, складывалась в пользу Полиперхона. Его поддерживали армия и греческие государства. Еще большую путаницу в ситуацию

внесла Олимпиада, которую Антипатр вынудил укрыться в Эпире и которая решила спешно выдвинуться в Македонию, чтобы позаботиться о своем внуке Александре, сыне Роксаны. В ответ Кассандр обратился от имени юных царей к Антигону и Птолемею.

Правда, этот союз только казался внушительным, на деле же Антигон не относился к нему серьезно, а Птолемей, едва дав ответ, пожалел о своем решении. Он оценил шансы Кассандра и осознал, что они весьма сомнительны, а затем, поразмыслив о мотивах, двигавших Антигоном, понял, что их вряд ли можно назвать достойными. Конечно, его выводы не всегда были точными, но в данном случае он оказался весьма проницательным. Полиперхон провозгласил Антигона предателем, а Олимпиада, вмешавшись в ситуацию, назначила вместо него главнокомандующим Эвмена. Более того, стали поступать сообщения о стремлении Антигона стать правителем всей Азии, а Селевк вступил в тесный союз с Полиперхоном.

Трезво мыслившему Птолемею эта ситуация показалась слишком сложной. Он почувствовал ловушку и решил, что больше не будет участвовать в выяснении отношений Кассандра и Полиперхона. Руководствуясь этими соображениями, он отозвал флот, который должен был стать угрозой для власти Полиперхона в Греции, и стал готовиться к отбытию из Келесирии, придя к выводу, что лучше будет защищать собственную сатрапию. Но решение это он принял слишком поздно. Вернуться в Египет Птолемею помешал Кассандр, слезно просивший его о помощи. Агенты Эвмена уговаривали македонских аргираспидов, «сереброщитных» воинов, перейти на сторону Полиперхона и требовали, чтобы казначей, следивший за сокровищами Александра, хранившимися в Киинде, открыл сундуки ради общего дела. Птолемей не мог игнорировать этот призыв и, сев на корабль, отправился в Киликию, чтобы помешать ограблению. Но слуги Эвмена уже выполнили свою задачу: ни аргираспиды, ни казначей не усомнились в том, что этот человек, назначенный военачальником по велению матери Александра Македонского Олимпиады, имеет право приказывать. В итоге получилось, что Птолемей зря старался.

Затем в разгоревшейся в Европе войне наметился новый, совершенно неожиданный поворот. Кассандр изгнал Полиперхона из Греции, захватил Афины и назначил своим наместником оратора Деметрия Фалерского. Новость о том, что Эвмен движется к Киликии, привела Птолемея в еще большее замешательство. Он не хотел, чтобы Киинд стал для него ловушкой, снова сел на свой корабль и направился сначала в Келесирию, а оттуда – в Александрию.

Эвмен направился в сторону Вавилона, но, лишенный поддержки со стороны Селевка, двинулся в Мидию. Это решение стало для отважного грека последним. Путь ему преградил безжалостный Антигон, сумевший захватить и убить его. Селевк снова был непоколебим. Сначала он отказал в помощи Эвмену, а затем – Антигону. Опыренный успехом, последний не скрывал своего желания стать правителем всей державы Александра. Он считал, что может на вполне законных основаниях заявлять свои права на Египет, а в Птолемея видел всего лишь сатрапа, которого следует сместить.

Селевк понял, что скоро очередь дойдет и до него, и тайно предложил Птолемею свою защиту. Сатрап Египта отнесся к предупреждению Селевка спокойно. Подобно последнему, он планировал как можно дольше воздерживаться от участия в споре между другими диадохами. В правильности этого решения он еще раз убедился, когда узнал от своих агентов в Македонии, что Филипп Арридей был убит по приказу Олимпиады, стремившейся таким образом расчистить путь к престолу для своего внука Александра, и что Кассандр, спешно выдвинувшийся из Греции, покончил, в свою очередь, с Олимпиадой и взял в плен Александра и его мать Роксану.

Птолемей решил воспользоваться передышкой в войне и заняться реформами в собственной сатрапии. Он начал с административного аппарата и попытался упорядочить его структуру. Птолемей не был ярким борцом с предрассудками и не собирался эллинизировать Египет или уничтожать его традиции. Он был человеком скромным и не вмешивался в чужие дела в степени большей, чем необходимая для достижения его собственных целей. Поэтому

Птолемей старался как можно меньше менять существовавшие устои. В «провинции» власть осталась в руках египтян. Административно-территориальными единицами остались ном, или провинция, и топархия, или округ. Были сохранены привилегии жречества, а взиманием податей продолжили заниматься местные чиновники. Однако если при поверхностном взгляде казалось, будто все осталось неизменным, в реальности в стране имели место масштабные перемены. В административный аппарат был добавлен новый, едва заметный элемент. Власть египетских номархов и подчинявшихся им топархов была ограничена. Рядом с каждым из первых постоянно находился грек, отвечавший за порядок в номе, а с каждым из вторых – еще один эллин, занимавшийся сбором государственных доходов. Оба они были обязаны сообщать о ходе исполнения своих обязанностей напрямую в Александрию.

Государство постепенно превращалось в высокоорганизованный институт, в существовании которого принимали участие только люди, входившие в административный аппарат. Птолемей лично курировал вопросы, связанные с войной, государственными финансами и внешними сношениями, поручив грекам надзор за работой административного аппарата.

В Александрии, ставшей новой столицей страны, необходимо было организовать все совершенно по-другому. Основатель этого города хотел, чтобы жизнь в нем была устроена в соответствии с греческими традициями, и местные власти, по крайней мере в теории, руководствовались мнением широкой общественности. Каждый македонянин или грек благодаря своей этнической принадлежности становился гражданином и получал право носить оружие, а также жаловаться на то, что его не устраивает, во время народного собрания. Но Птолемей не пошел дальше этого. Граждане могли носить оружие, но не имели права его использовать. Он разрешил обсуждения во время народных собраний, но этот орган не должен был настаивать на принятии правителем тех или иных политических решений. Птолемей хотел править, а не становиться марионеткой и, зная не понаслышке обо всех трудностях управления городом-государством, не собиравшись сталкиваться с ними в Александрии.

Сатрап поселил в Фиваиде македонских ветеранов, назвав эту местность Птолемаидой, и дал поселенцам право на самоуправление. Но данное решение было принято исходя из военных соображений, а значит, искать общие черты, объединяющие Птолемаиду и Александрию, бессмысленно.

В Александрии не было ни совета старейшин, ни других городских институтов, за исключением деления жителей на филы и демы. Греки не жаловались на чрезмерно сильную центральную власть. Удовлетворенные чувством превосходства над египтянами, александрийские эллины покорно позволили Птолемею взять всю полноту власти в свои руки. В общем, благодатной мечте Александра о единстве народов, пользующихся одними и теми же правами, не суждено было сбыться ни в столице, ни за ее пределами. Возможно, для ее претворения в жизнь необходимы были более яркое воображение и широкий взгляд на мир, чем те, которыми обладал Птолемей, но так или иначе это не было невыполнимой задачей. Если первый из Птолемеев решился бы на отход от греческой традиции и признал бы право детей от смешанных браков на получение гражданства, мечту Александра можно было бы реализовать, и история Египта данного периода стала бы совершенно другой. Но возможность была упущена, и ни один из Птолемеев, правивших после диадоха, так и не осмелился попытаться сделать это.

Глава 2

Птолемей Сотер

(продолжение)

Управление государством – занятие в лучшем случае весьма однообразное, и Птолемей очень быстро захотел переключить внимание. Как и многие мужчины до и после него, правитель Египта нашел отдушину в любви. Он, несомненно, был человеком довольно увлекающимся. Имея за плечами два брака, он собирался заключить третий. Выполняя приказ Александра, в Сузах Птолемей женился на Артакаме, дочери персидского вельможи Артабаза, затем, уступив Антипатру, он взял в жены его дочь Эвридику. Теперь же правитель Египта решил побаловать себя и сделал своей избранницей Беренику, подругу и доверенное лицо Эвридики⁵. По отношению к последней это было очень несправедливо. Ведь она не сделала ничего, чтобы заслужить развод. Эвридика была для Птолемея прекрасной женой, родила ему сына Птолемея, по прозвищу Керавн, и двух дочерей. Она простила бы мужу новый династический брак, но не интрижку со своей собственной придворной дамой. Но наш мир несовершенен, и никто не застрахован от ударов судьбы. Поэтому Эвридика, чувствующая, что больше никогда не увидит мужа, покинула Египет. Ничего другого сделать было нельзя, ведь Птолемей не относился к числу людей, способных с легкостью изменить решение. Он всегда брал то, что хотел, и не переживал из-за последствий.

«Никогда прежде ни одна женщина не вызвала такого восхищения, как возлюбленная жена Птолемея Береника», – писал Феокрит. Беренике и правда удалось до самой своей смерти оставаться предметом сильнейшей любви ветреного Птолемея. Она, несомненно, была очень привлекательной женщиной. Ее глубоко посаженные глаза, короткий прямой нос и чувственный рот не могли не вызывать восхищение. Высокий лоб и выступающий подбородок свидетельствовали об уме и твердом характере. Эта вдова македонского вельможи приехала в Египет вместе с Эвридикой и поняла, что правитель страны в ее вкусе. В данном факте нет ничего удивительного. Птолемей испытывал страсть к приключениям, а такие мужчины обычно очень привлекают женщин. В итоге Береника, очевидно, полюбила Птолемея всем сердцем. Этот брак также позволял решить проблемы, связанные с престолонаследием. Береника родила Птолемею четверых детей: двоих сыновей – старшего Птолемея, позже известного как Филадельф, и Аргея – и двух дочерей: старшую Арсиною, ставшую женой сначала правителя Фракии Лисимаха, а затем своего брата Филадельфа, и Филотеру, самую младшую из всех.

Ни один македонянин не способен ограничиться одной лишь любовью, и Птолемей вскоре стал размышлять над тем, как увеличить объем египетского экспорта. Пока Александрия не оправдывала его ожидания. Стоянка на якоре здесь была безопасной, а местонахождение самого города – весьма удачным, однако Тир и Родос продолжали занимать лидирующее положение в торговле в бассейне Эгейского моря, а купцы из Эллады предпочитали торговать во всех странах, кроме Египта. Сделав этот вывод, Птолемей испытал крайнее разочарование. Пытаясь найти причины данного явления, он предположил, что проблема заключается в том, что в Александрии не чеканятся собственные монеты. В Египте сохранялась существовавшая еще в эпоху правления фараонов практика натурального обмена. Металл могли принять в качестве платы за какой-либо товар, но только после очень долгого спора о его чистоте и весе. Осознав это, предприимчивый торговец испытал стыд за страну, жители которой никак

⁵ Мы точно не знаем, когда именно был заключен этот брачный союз. Некоторые историки, такие как Белох и Тарн, предполагают, что в 316–315 гг. до н. э. Береника была любовницей Птолемея, а их свадьба состоялась гораздо позже. (Примеч. авт.)

не могут отказаться от этих примитивных обычаев. На греческих островах и в городах-государствах чеканили собственные монеты, и Птолемей решил, что Александрия вполне может последовать этому примеру.

Важных причин, не позволявших сделать это, не было бы, если в распоряжении государства имелось бы достаточное количество золота и серебра, а государственный банк⁶ контролировал бы монетную чеканку. К несчастью, в Египте не было ни того ни другого. Огромные количества золота и серебра без дела лежали в храмовых сокровищницах, а на рынке обращалось множество иноземных монет. Но ни консервативные жрецы, ни невежественные торговцы не собирались отказываться от своих запасов, взамен на обещание, что позже им вернут все отданное, но уже в виде денег. Создать государственный банк было еще сложнее. Банковской системы, успешно существовавшей в Греции, в Египте не было, а без нее невозможно было создать собственную валюту.

Сначала Птолемей попытался отчеканить несколько монет с именами юных царей, но быстро отказался от этого эксперимента. На аверсе монет, отчеканенных позднее, но все еще в тот период, когда Птолемей был сатрапом Египта, изображен профиль Александра Македонского, на плечи которого накинута шкура слона или льва, а на реверсе – Зевс или Афина, стоящие напротив орла или корабля. Став царем, сын Лага приказал поменять изображения на монетах. Теперь на аверсе изображался его собственный профиль с диадемой на голове и эгидой на плечах, а на реверсе, внутри окантовки из слов «Царь Птолемей», помещалось изображение орла, стоящего на молнии, – своего рода семейный герб. Монеты чеканились в самом Египте, на Кипре, в Малой Азии, в Финикии и Киренаике. Стандарт варьировался от аттического до родосского, от родосского до финикийского. Птолемей успел поэкспериментировать с пятью разными типами золотой и серебряной монетной чеканки. Эти деньги охотно принимали по всему бассейну Эгейского моря – их вес соответствовал стандарту, а в чистоте металла никто не сомневался.

Птолемею приходилось решать и другие проблемы. Одной из них стало обожествление Александра, а второй – создание нового культа, который станут отправлять и греки, и египтяне. Выполнить первую задачу было проще. Ни один военачальник не относился к памяти об Александре с таким уважением и не оплакивал его смерть с такой искренней печалью, и Птолемей решил установить культ, способный увековечить имя Александра в основанном им городе. Возможно, покойный правитель сам захотел бы обрести подобную посмертную судьбу – стать олицетворением божества, которым его назвали в Египте. В итоге верный Птолемей приступил к строительству в Александрии святилища, или Семы, где должно было упокоиться тело Александра, стал мечтать о том, чтобы все македоняне и греки увидели в умершем военачальнике сына Зевса, и объявил, что 25-й день месяца тиби, в который была основана Александрия, должен стать общенародным праздником. Приверженцы этого культа должны были признать, что, во-первых, Александр после смерти воссоединился со своим небесным отцом, а во-вторых, своими прижизненными поступками заслужил звание героя.

Для того чтобы лучше обосновать второе, к Семе пристроили небольшую часовню, посвященную двум божествам в облике змеи – Агатодемону и Агатотюхе. В том или ином виде и в Египте, и в Греции с большим уважением относились к змеям, считавшимся духами – хранителями домашнего очага. Идея Александра о том, чтобы сделать Агатодемона богом – покровителем основанного им города, была удачной, причем в той же мере, что и решение Птолемея, пожелавшего связать память Александра с этим божеством.

⁶ Перевод здесь сделан дословный, однако стоит отметить, что банков в нашем нынешнем понимании в древности не было. В Греции, которую автор упоминает ниже, существовали менялы, занимавшиеся обменом одних монет на другие (что-то вроде современного обмена валюты). Они же (а также ростовщики) могли брать деньги на хранение и давать их в долг под определенный процент. (*Примеч. пер.*)

Строительство Семы вызвало протесты в Мемфисе, и верховный жрец Птаха отказался от слов: «Там, где упокоится его тело, будут распри и разногласия», сказанных им ранее. Под угрозу была поставлена репутация Мемфиса, считавшегося центром египетского благочестия, и верховный жрец стал уговаривать Птолемея похоронить Александра в древней, а не в новой столице. Узнав об этом, правитель Египта снова замешкался. Он мог позволить себе не прислушиваться к возражениям простых египтян, но не хотел противопоставлять себя жречеству, единственному хорошо организованному египетскому институту, который к тому же пользовался большим уважением.

Каждым храмом управлял эпистат. Ему помогал заместитель, которого принято было называть «пророком» и который отвечал за функционирование оракула. Ниже их в иерархии располагались хранители нарядов, статуй и святилищ богов, жрецы, следившие за жертвоприношениями и совершавшие их, составители гороскопов, а также музыканты и певцы. Низшие ступени жреческой иерархии занимали жрецы, носившие священные ладьи, следившие за обителями умерших и занимавшиеся бальзамированием. Жрецы пользовались огромным влиянием и значительными привилегиями. Почти треть пригодной для обработки земли принадлежала тому или иному храму, а в сельской местности акты, издававшиеся в храмах, имели силу законов. Вполне понятно, что Птолемей совершенно не хотел ссориться со столь могущественной структурой.

Правитель приостановил строительство Семы и попытался задобрить жрецов, тщеславие которых определенно было задето, засвидетельствовав свое почтение древним святыням. Он уже вернул законным владельцам «изображения богов, найденные в Азии, и всю обстановку и свитки храмов Верхнего и Нижнего Египта», а теперь занялся украшением Фив, причем за свой собственный счет. Он почтил память Филиппа Арридея, приказав построить в Карнаке святилище и вырезать рельеф, на котором тот был изображен перед богом Тотом, а статую Александра, сына Роксаны, установили в большом зале храма. Над входом в святилище Мут Птолемей приказал вырезать рельеф, на котором перед богиней стоят он сам, его супруга и дочери, причем правитель держит в руке систру, его жена играет на арфе, а дочери бьют по барабанам, чтобы отогнать злых духов.

Иными словами, Птолемей сделал все возможное, чтобы понравиться египетским жрецам. Вместе с женой и детьми он принял участие в ритуалах праздника сед, прошел через обряд коронации, получив взамен обещание вечной молодости и «миллионов лет». Возможно, его стали считать воплощением Хора или Осириса. В 311–310 гг. до н. э. он от имени сына Роксаны вернул жрецам расположенного в Дельте города Буто доходы, которых лишил их неблагочестивый Ксеркс. Это стало кульминационным моментом в демонстрации уважения, которые Птолемей испытывал к египетской религии – «храмам Хора и Буто, бога и богини Пе и Деп, перешли все города в местностях Пе и Деп, их жители, пастбища, воды, птицы, стада и все сделанные там вещи».

Для Птолемея все это также стало прекрасной возможностью продемонстрировать египетскому жречеству собственное благочестие, и он не преминул сделать это. Себя он называл «великим наместником Египта» и «человеком, полным сил, осторожным разумом, неизменной храбростью, стоящим прочно на ногах». Жрецов Пе и Деп он также уверял, что «не было подобного ему среди иноземцев». В кои-то веки Птолемея обуяло ощущение собственного всемогущества.

Страна, где огромным влиянием обладает жречество, не способное похвастаться ни моральностью, ни щедростью, представляет собой весьма печальную картину. Птолемей не был враждебно настроен в отношении религии в целом. Он, наоборот, искренне верил, что ни одно государство не будет процветать без нее. Однако из этого убеждения он делал собственные выводы: религия должна быть общей для всех жителей страны и находиться под контролем государства. В этом не было ничего, что противоречило бы египетским догматам.

Религия в те времена являлась, несомненно, основой общества Египта (да и любого другого), а Осирис вполне заслужил право называться общенародным богом. Но предрассудки и легкое верие уничтожили все самое хорошее, что было в древнеегипетской религии, и от культа Осириса, судьи мертвых, даровавшего надежду на возрождение, египтяне перешли к почитанию местных божеств, изображавшихся в виде животных. Если любой уважающий себя философ считал глупым стремление греков наделять богов человеческими страстями, то желание египтян снабдить животных божественной сущностью и поклоняться им могло показаться ему еще более абсурдным. По мнению Птолемея, египетская религия быстро вырождалась из-за излишнего влияния храмов и слабости государства.

Поразмыслив над всем этим, Птолемей решил не вмешиваться в сложившуюся ситуацию тотчас же. Это было очень взвешенное решение с точки зрения политики, ибо и на востоке, и на западе назревали большие проблемы. В Греции царили волнения, Антигон с нетерпением ждал возможности напасть на Египет, и Птолемей не хотел разжигать беспорядки в собственной сатрапии. Персы однажды уже пренебрегли этой опасностью и заплатились за свою неосмотрительность. В итоге более рассудительный Птолемей отказался поддаваться этому соблазну. Вместо этого он занялся поиском того общего, что могло бы объединить всех жителей Египта, несмотря на их этническую принадлежность и традиции. Для этого он создал культ, соединивший в себе элементы египетской и греческой религий.

Нечто подобное было крайне необходимо в Александрии, разношерстные жители которой уже начали конфликтовать друг с другом из-за того, что обладали разными взглядами на некоторые вопросы религиозной доктрины. Греки с недоверием относились к евреям, а египтяне – и к тем и к другим. С иудеями ничего было нельзя поделаться – их религия устоялась, и они соглашались поклоняться только своему собственному богу. Но греки и египтяне были более гибкими, и Птолемей, заметив это, объединил черты и атрибуты Зевса и Гадеса, Ра и Осириса, богов, которым поклонялись обитатели этих двух столь разных миров, создав единое божество, почитать которое могли представители обоих народов. Так появился культ Сераписа, продолжавший существовать даже после установления христианства и оказавший огромное влияние на весь мир.

Греки первыми стали поклоняться этому богу. Признавая существование всех своих богов, но сомневаясь в их добродетели, эллины готовы были включить в свой пантеон любое божество, способное предложить им нечто новое. К тому же Сераписа связывали с Осирисом, к которому греки относились с большим почтением. Отождествив этого бога со своим собственным Дионисом, они сделали уверенный шаг вперед и стали ассоциировать Осириса с Гадесом. К тому времени религиозный синкретизм получил широкое распространение в греческой среде, а обитатели египетской Александрии получили непаханое поле, на котором можно было спокойно практиковаться в изобретательности. Амона-Ра они стали называть Зевсом, Хатхор – Афродитой, Нейт – Афиной. Эллины соотнесли египетский город Уасет (современный Луксор) со своими Фивами, Абеджу, где хоронили первых египетских фараонов, – с Абидосом, а Кануб – с кормчим Менелая Канопом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.